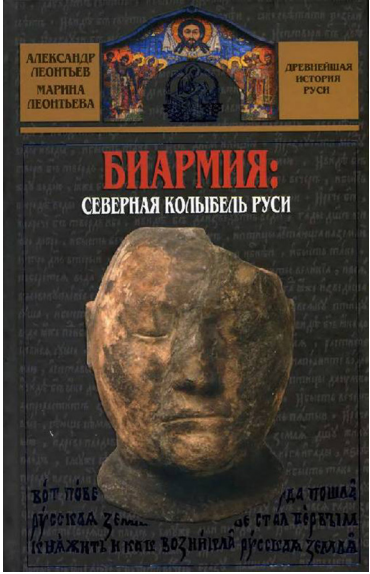




Марина Владимировна Леонтьева
Александр Иванович Леонтьев
Биармия: северная колыбель Руси
Серия «Древнейшая история Руси»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16899115

Александр Леонтьев, Марина Леонтьева. Биармия: северная колыбель Руси: Алгоритм; Москва;
2007

ISBN 978-5-9265-0419-1

Аннотация

О таинственной северной стране Биармии ныне помнят только ученые. А некогда это было богатое и могущественное государство на берегах Белого моря, слава о котором достигла самых отдаленных уголков Европы и Азии. В Биармию шли караваны купцов из Средней Азии, плыли в своих боевых ладьях воинственные викинги за добычей. По одной из исторических гипотез, именно Биармия стала колыбелью великорусской нации.

Время сравнивало с лицом земли города и веси Великой Биармии. Даже само ее месторасположение стало загадкой для последующих поколений. Покров над этой тайной приподнимают писатели-историки Александр и Марина Леонтьевы, посвятившие свою жизнь изучению родного Поморья.

Содержание

Введение	5
Часть 1	7
Часть 2	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Александр Леонтьев, Марина Леонтьева

Биармия: северная колыбель Руси

© Леонтьев А., Леонтьева М., 2007

© ООО «Алгоритм-Книга», 2007

Введение

Там русский дух, там Русью пахнет.
А. С. Пушкин, «Руслан и Людмила»

Более десяти лет назад, когда мы работали над подборкой материала для предыдущей книги, посвященной истории нашего северного края, неожиданно наткнулись на впервые услышанное, удивительно красивое и одновременно непонятное слово БИАРМИЯ. Сейчас об этом смешно вспоминать, но мы абсолютно не имели представления о нем; раньше ни в школе, ни в вузе никто не упоминал его, это действительно так. А стоит ли удивляться? И теперь, уже по прошествии многих лет, когда о неведомой стране собрано огромное количество сведений и сообщений из различных источников, мы задаем вопрос своим знакомым о БИАРМИИ, и большинство из них не знает значения этого непонятного нерусского слова и поэтому затрудняется ответить. Более того, оказывается, даже не все учителя-историки в школах могут что-нибудь сказать об этой удивительной стране; да что учителя, некоторые специалисты от истории ничего вразумительного не ответят вам по сути этого вопроса, если начнете подробно расспрашивать о существовании таинственного края. Стоит ли упрекать их в этом? БИАРМИЯ на протяжении столетий до сих пор остается такой же тайной за семью печатями, которую никто не может раскрыть.

БИАРМИЯ¹ – эта таинственная и загадочная страна, по сведениям древних писателей, располагалась когда-то на территории Русского Севера. Уже в течение почти трех столетий среди историков, как начинающих, так и именитых, не утихают споры о том, где же действительно находился этот богатый край, в какой части европейского Севера раскинулись его просторы и, главное, действительно ли он существовал и был такой изобильный. Или это только одни выдумки и фантазии древнескандинавских скальдов и англосаксонских писателей.

Как известно, ни в одной из наших русских летописей – ни в самых древнейших сводах: Лаврентьевской, 1-й Новгородской, Ипатьевской, ни тем более в поздних – вы не найдете упоминания о БИАРМИИ. Нет сведений о ней и в других актовых материалах, относящихся к древнему периоду истории России. Но все же, если быть точными и объективными, можно найти сообщение о БИАРМИИ, причем только в одном древнем документе – это в преданной обструкции ретивыми историками, незаслуженно забытой и не принимаемой некоторыми учеными всерьез до настоящего времени Иоакимовской летописи, впервые опубликованной в «Истории государства Российского» известнейшим историком В. Н. Татищевым.

Как гласят предания и легенды, в незапамятные времена на Поморском Севере существовала могущественная страна БИАРМИЯ – *Beormas*, так она называлась у англосаксонских писателей и *Vjarmaland* – в скандинавских сагах, занимавшая огромную территорию и обладавшую богатейшими запасами речной и морской рыбы, зверья, пушнины, моржовой кости, соли, серебра и жемчуга.

Границы БИАРМИИ простирались, по одним источникам, от Северной Двины до Печоры и от Белого моря до Камы, по другим, – границы ее были еще шире и достигали на западе – Финляндии и на севере – Норвегии, захватывая побережье Белого моря и Кольский полуостров, т. е. территорию всего Русского Севера. За БИАРМИЕЙ следовала воображаемая и фантастическая страна Йотунгейм (*Jotunheim*) – «страна великанов», «отчизна ужасов природы и злого чародейства».

¹ Биармия – так, а не иначе будет звучать это слово и в дальнейшем для облегченного его прочтения, хотя в русской транскрипции должно звучать – Бьярмия от древнескандинавского (норренского) *Vjarmaland*.

Сведения из древнескандинавских саг о расположении загадочной страны были расплывчатые и туманные, что, в свою очередь, вызвало у историков затруднения в локализации БИАРМИИ и нешуточные споры по этому поводу, не утихающие в течение нескольких веков.

Итак, где же располагалась эта таинственная и легендарная страна? Более того, существовала ли она в действительности? Что за народ ее населял, и почему она имела такое странное название? Вот на эти вопросы мы постараемся ответить читателю, используя сведения, оказавшиеся доступными авторам книги в виде мифологических, исторических, географических, этнографических известий из сочинений средневековых писателей и картографов, рунических рукописей, древнескандинавских саг, летописей, других источников.

Часть 1

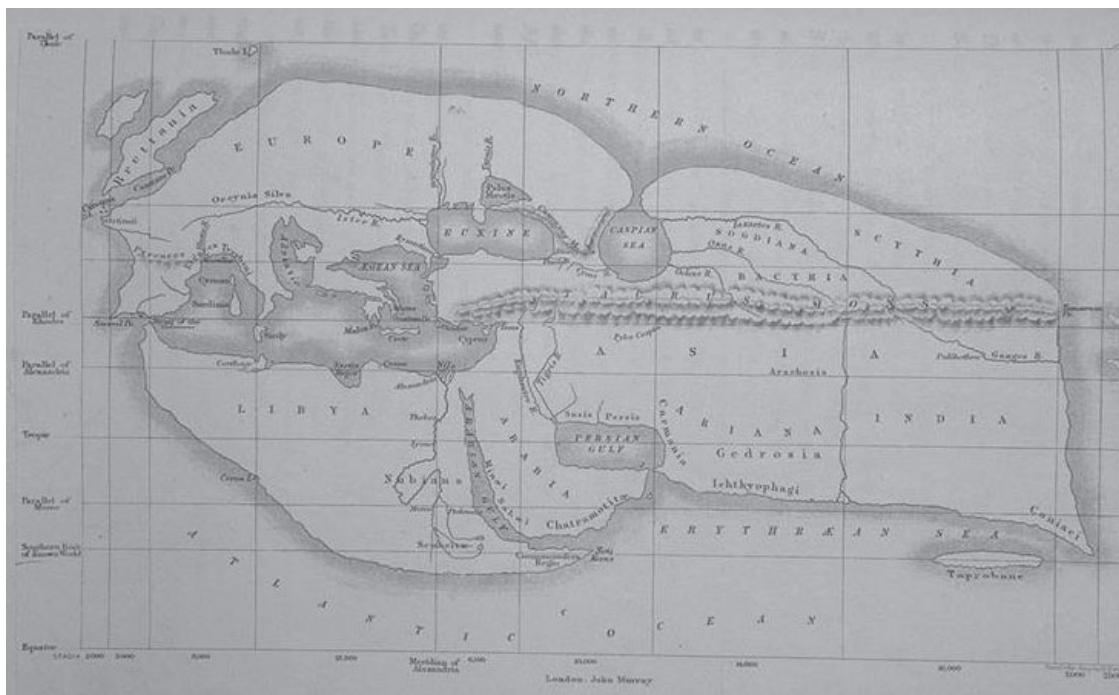
Первые упоминания о неведомой стране

Сразу хотим оговориться: в ходе исследования, при изучении сведений о Биармии авторы книги не раз убедились, как были неустойчивы и переменчивы представления об этой загадочной стране не только у современных исследователей, но и у самих древних писателей – скандинавских составителей саг. За эти несколько столетий, в чем вы, читая нашу книгу, удостоверитесь сами, где ее только не помещали: и вблизи Норвегии, и на Кольском полуострове, и в Карелии, и на берегах Северной Двины, и в Перми, и в Ярославской области, и в Татарии, и даже, как ни удивительно, на берегах Балтийского моря.

Первоначальные сведения о загадочной стране были очень туманными и расплывчатыми. И поначалу, как видно из ранних скандинавских произведений, Биармию размещали на берегу неведомого моря, граничащей с какими-то фантастическими странами.

Одним из самых древних свидетельств о существовании Биармии является написанная на пергаменте рунами, ориентировочно около X века, «История Хиалмара, царя Биармаландии и Тулемаркии», впервые переведенная на русский язык С. К. Кузнецовым в начале прошлого века.

Из ее содержания известно, что Биармия располагалась между неведомой страной Тулемаркией и Гандвиком за восточным склоном какого-то горного хребта, причем туда можно было добраться морским путем. Впервые упоминается имя Вагмара – царя *биармийцев*, или *биармов*, так называли жителей неведомого края. Герой саги, царь другой такой же неизвестной страны Туле – Хиалмар, приходит в Биармию на нескольких судах со своими напарниками, побеждает его и становится полновластным хозяином страны.



Карта Страбона с изображением острова Туле (Tule)

К сожалению, вспоминает переводчик, в древнейшей рунической рукописи навсегда утрачены первые три листа, поэтому никогда уже не узнать описания северных неизвестных

стран. Вопрос о местоположении острова Туле (Тулемаркии) остается до сих пор открытым, чего нельзя сказать о Гандвике, который почти всеми исследователями отождествляется с Белым морем. Поэтому из содержания саги можно с определенной долей уверенности сделать вывод, что эта Биармия располагалась на Севере (следуя из положения неведомой Туле), с восточной стороны, вероятно, главного скандинавского горного хребта, и на берегах Белого моря.

Что же касается Туле, то первооткрывателем этого таинственного легендарного острова, расположенного в северных областях Океана, считается ученый астроном и мореплаватель Пифей, обнаруживший его в IV веке до н. э. Записки Пифея о путешествии на Север не сохранились и считаются навсегда утраченными, поэтому основным первоначальным письменным источником о Туле являются тексты Страбона и Плиния Старшего. С античных времен из поколения в поколение передавались легенды и сказания о существовании какого-то огромного куска суши под названием Ultima Tule (Крайняя Туле), расположенного в северных областях Океана.

До настоящего времени остается не раскрытой тайна этого удивительного острова. Вопрос о том, какая из областей Северной Европы была пифеевской Туле, остается до сих пор открытым. Хотя за свою многовековую историю немало гипотез было выдвинуто в науке. И где только его ни располагали: одни считали Туле из числа Шетландских островов, другие – Исландией и даже Гренландией, третьи – Шпицбергом. Мы же склоняемся к мысли, что это были высокогорные Лофотенские острова Норвегии или сам Скандинавский полуостров, долгое время принимавшийся древними за остров.

В этой связи интересно привести сведения из трехтомного труда «О положении Земли» римского географа Помпония Мелы, жившего в I веке н. э., где впервые была представлена Скандинавия под названием *Codanovia*, правда, не материковой землей, а как «самый большой и самый плодородный остров», принадлежащий *тевтонам*. Здесь же древний писатель упомянул и о легендарном острове Туле (Фула) Пифея, сообщив при этом: «*против берега [племени] бергов лежит остров Фула*», по словам географа, «*прославленный как греческими, так и римскими поэтами*».

Не исключено, что географ здесь впервые упомянул о северных племенах, позднее воспетых в древнескандинавских сагах под именем *бьярмов*, *биармов* или *биармийцев*. В саге «История Хиалмара, царя Биармаландии и Тулемаркии» говорится следующее: «*Знаменит был в это время царь Хиалмар, который над всеми другими царями выдавался природными своими дарованиями и геройскими добродетелями и был лучшим начальником для своих придворных. Он сам приобрел власть над Биармаландией; царство это расположено между Тулемаркией и Гандвикой, за восточным склоном горного хребта. Первоначально он, вероятно, населял со своими подданными места болотистые, прежде чем выбрал себе определенное место жительства*».

Обратите внимание, здесь Биармия, расположенная за склонами какого-то горного хребта, находится между островной страной Туле (Тулемаркия) и Гандвиком (обычно древнескандинавский Гандвик отождествлялся с Белым морем). На наш взгляд, представленные сведения о соседстве Туле и Биармии не случайны, у известного историка и скандинавов, вероятно, были одни источники. Поэтому считаем, что существуют серьезные основания для отождествления *берегов* Помпония Мелы и *биармов* или *биармийцев* норвежских саг.

Свидетельства о походах скандинавов в Белое море можно найти в другом источнике сведений о Биармии – в часто цитируемом исследователями сборнике писателя Рафна (Rafn'a) под названием «Русские древности», изданного в Копенгагене в 1850–1852 годах. Историк собрал в указанном двухтомнике свод фрагментов скандинавских письменных

памятников, в том числе и произведения, в которых упоминалась интересующая нас Биармия.

В одном из них под названием «Сага о Боси» (создано не ранее 1241 года) говорится о другом царе Биармии по имени Харек. Персонажи саги, выходец из простой семьи, отважный и смелый Боси со своим побратимом, сыном норвежского конунга Херраудом, после возвращения из пиратского похода к побережью Дании и Германии были отправлены королем Норвегии к загадочным берегам Биармаланда за несметными богатствами, которыми славилась эта страна. В саге не говорится, где она располагалась; единственно известно, что в завершение своего похода они оказались у берега Винского леса, с которым большинство исследователей соотносят лес на берегах реки Северной Двины (*Vina sag*), где ограбили биармийское святилище Йомалы. Правил тогда Биармией царь Харек, и, что любопытно, у него было два сына с очень интересными именами – Рерик и Сиггейр, очень напоминающих летописные имена призванных «из-за моря» братьев Рюрика и Синеуса.

Переплетением сказочных и реальных исторических событий наполнена «Сага о Стурлауге Трудолюбивом Ингвольссоне», сочиненной около 1300 года. Только героем древнего произведения уже является шведский конунг Стурлауг Ингвольссон. В молодости он совершил морское путешествие в неведомое государство *Гундигаланд* в поисках какого-то волшебного рога. Эта страна, как говорится в саге, находилась на Севере между *Финмарком*, самой северной областью Норвегии, и Биармией. Узнав, что волшебный рог находится в Биармии, герой саги сел на судно и продолжил плавание до реки *Вины*. Поднявшись вверх по течению, на западном берегу реки он увидел какой-то храм или святилище. В данном случае Биармаланд можно предположительно расположить на территории, захватывающей западное побережье Белого моря до реки Северная Двина.

* * *

В следующей древнескандинавской «Саге об Алуборге и Алдейгьюборге» Биармия располагается восточнее указанных в названии саги областей или городов Гардарики (по далеко не бесспорному, на наш взгляд, мнению большинства историков, так называли скандинавы Древнюю Русь). Вероятней всего, полагают специалисты, здесь зафиксировано одно из первых упоминаний старинного северного города Ладоги, точнее Старой Ладоги (*Алдейгьюборг*), и Олонца (*Алаборг*), но не как конкретного населенного пункта, а как целой местности в Приладожье.

Герои саги – два брата-скандинава – ходили воевать с царем Биармии Хареком из-за того, что тот не пожелал отдать свою дочь за одного из них. К порту назначения – столице Биармии, название которой не дано, они пришли водным путем на 60 кораблях. После непродолжительных переговоров и обещания норманнов отдать свои владения в Приладожье государю Биармии, дочь согласилась выйти замуж за «горячего скандинавского парня» и конфликт получил мирное разрешение.

Подтверждением того, что Биармия находилась восточнее Приладожья, служит еще одно скандинавское произведение под названием «Сага о Хальфдане, сыне Эйстина», на наш взгляд, перекликающееся с содержанием предыдущего сказания. Эйстин вместе с сыном ходили (обратите внимание) *на восток* против царя биармийской страны Хергейра, которому принадлежали упоминавшиеся Алуборг и Алдейгьюборг, и завоевали Биармию.

В саге говорится, что Хальфдан однажды отправился из Алдейгьюборга (из Старой Ладоги) *на восток*, а через некоторое время очутился в Биармии. Такое же путешествие совершил и обратно: непосредственно из Биармии герой саг возвращается в Алдейгьюборг.

Через некоторое время, после гибели Эйстина, уже находясь в Норвегии, королевский отпрыск Хальфдан узнал, что викинги опустошили Биармию и Новгород (*Nogardr*), поко-

рив себе Кириалаботн (Финский залив) и большую часть России (Russaland). Для наведения порядка в северной стране Хальфдан отправился в Биармию и покорил ее. *«После этого собрался он в путь оттуда домой в Альдейгьюборг».*

Получается, что скандинавы для путешествия к берегам Белого моря использовали, кроме Северного морского, другой путь – через Финский залив, а затем по суше (волоками) или по рекам добирались до западного побережья Белого моря и затем морем до Биармии. Из саги известно, что такое же путешествие совершил позднее его побратим Ульфкель. Он предложил царю Биармии выдать замуж свою дочь за брата Ульфа, в качестве приданого скандинав пообещал отдать Алуборг и Алдейгьюборг.

Отсюда напрашивается вывод, что названные города (территории) должны находиться по соседству с Биармией. Только с рядом лежащими областями возникала возможность образовывать впоследствии одно более крупное, целое государство.

Итак, из содержания двух последних саг можно прийти к заключению, что Биармия занимала очень большую территорию, граничащую на севере с Норвегией, на западе – с областями Ладogi и Олонца, а на востоке – с Белым морем.

* * *

Самое древнее *историческое письменное свидетельство*, в котором упоминается не сама страна Биармия, а ее жители *биармы* или *биармийцы*, находится в знаменитом рассказе норвежского промышленника и зверобоя Оттара (Ottar или Ohtharr – по древнескандинавскому языку, Ohthere – англосаксонскому). Причем, сразу заметим, повествование идет о реальных событиях, не вызывающих сомнений в их правдивости у историков на протяжении уже почти тысячи лет. Его даже нельзя отнести к разряду саг, это просто рассказ человека о своем путешествии по полярным морям.

Оттар родился в северной части Норвегии, самой дальней провинции под названием Халогаланд (Halogaland), зверобой и промышленник, знатный человек и крупный скотовладелец, имел более 600 оленей, а также много другого скота. Как и остальные норвежские колонисты, он занимался добычей китов, тюленей и моржей в полярных морях. На своих судах им приходилось преодолевать большие расстояния в поисках морского зверя, вероятно, Оттар побывал во многих местах Северного и Атлантического океанов.

После того, как в 865 году к власти в Норвегии пришел конунг Харальд Прекрасноволосый, он назначил Оттара ярлом Халогаланда. Но вскоре норвежский зверобой вынужден был эмигрировать на юг, в Данию.

Оттар, вероятно, был образованным человеком и одним из тех редких людей, которые на всю жизнь запоминали подробности своих походов по морям-океанам, а, может, чего нельзя исключить, делали описание тех мест, которые они посещали, т. к., известно, что вскоре в Дании он собрал все сведения о странах, расположенных вокруг Балтийского моря.

Оттуда примерно в 871 году Оттар перебрался в Англию. История умалчивает, как он оказался на службе у английского короля Альфреда Великого (871–901). Вероятно, король прослышал о необычных способностях образованного чужестранца-морехода и поэтому вскоре пригласил Оттара к королевскому двору. Альфред Великий был заинтересован в том, чтобы его подданные перенимали опыт в мореходном искусстве, т. к. лучшими в мире мореплавателями в те времена считались норманны.

Более всего он известен тем, что перевел с латинского на англосаксонский язык ряд таких известных произведений, как «Об утешении философией» Боэция, «Церковная история английского народа» Бэды Достопочтенного и самый главный труд – «История против язычников» Павла Орозия. Именно в это переработанное им произведение испанского священника, жившего в V веке, Альфред Великий добавил географическое описание Централь-

ной Европы с включением донесения Вульфстана о плавании в Балтийское море и рассказа Оттара о путешествии в Белое море, записанное, вероятно, со слов самих путешественников.

Описание этого приключения сохранилось до наших дней. Кстати, дату путешествия Оттара к берегам Биармии никто точно указать не может, и ее определяют приблизительно – до 869 года.

По словам Отара, ему однажды захотелось узнать, как далеко на север простирается земля и живет ли кто в северной части архипелага. Тогда на судне он пошел вдоль берега и через шесть суток заметил, что дальше береговая полоса, заселенная *финнами*, повернула на восток. Затем он плыл еще четыре дня, пока судно не повернуло прямо на юг. Оттар следовал вдоль берега в южном направлении пять дней, и, как сообщает сам путешественник, «там большая река вела внутрь земли». Вначале они, боясь нападения местных жителей – *биармийцев* (*беормы*), живших на одном берегу этой реки, не решались войти в нее. Затем, вероятно, сдружились, т. к. «много поведали ему биармийцы, как о своей родной земле, так и о близлежащих землях». Причем местное население общалось с ним на похожем с финнами языке, и он хорошо их понимал. Еще он упомянул, что прежде чем они достигли безымянной реки, им встречались *терфинны* – охотники и птицеловы.

Кто подразумевается под *терфиннами*? Наверняка это саамские племена, или, как их называли в старину, – *лопары*, населявшие территорию Кольского полуострова или русский Финмаркен. По летописным данным, с XIII столетия, а может быть и раньше, они платили дань новгородцам под именем *терская лопь*. Вероятно, первый слог названия *тер* образовалось от финского слова *Turja* или саамского – *Tarje Narg*, что в переводе обозначает *лес* и *лесистый берег*. В русских летописях область *Тре* в различной транскрипции: *Тре*, *Трь*, *Терь*, *ТЬрь* входила в состав владений Новгородской земли, а позднее Московских великих князей. В настоящее время южное побережье Кольского полуострова носит название Терский берег.

Под *финнами*, о которых упоминается в начале текста, надо подразумевать не финские племена, а саамов или лопарей, которых шведы называли *лапландцами*. Наоборот, тех, кого шведы называли *финляндцами*, норвежцы звали *квенами*, а русские позднее – *каяны* (от финского слова *kainu* – равнина). Значит *квены* – это финны, заселяющие территорию северных районов Норвегии и Швеции.

Рассказ об этом путешествии в свое время вызвал бурные научные споры о том, где в действительности побывал Оттар. И эти споры не утихают до сих пор. Одни исследователи считают, что норвежский промышленник был только на Кольском полуострове и не далее. Другие ученые убеждены, что путешественник достиг устья Северной Двины. Для объективности приведем доводы тех и других исследователей.

Сторонники первой версии уверены, что за время путешествия, указанное Оттаром (это в общей сложности получается 15 дней), ссылаясь на слабые мореходные качества судов, их «убогость», незнания навигации и искусства хождения в бейдевинд (против ветра), путешественники якобы за такое короткое время никак не сумели бы достичь берегов Северной Двины. Вероятней всего, делают они вывод, это была какая-то река Кольского полуострова.

Эта группа историков глубоко заблуждалась, так низко оценивая мореходные качества судов скандинавов. Известно, а это можно узнать по археологическим находкам кораблей викингов, захороненных в курганах вместе с покойными норвежскими вождями, а также из рисунков, высеченных на камнях (обнаруженных, например, на острове Готланд), – это были маневренные, быстроходные торговые корабли с высокими бортами и плоским дном, достигающие длины до 24–30 метров и покрывающие под большим квадратным парусом до 120 миль в сутки.

Давайте проследим путь отважного путешественника, решившего просто *«узнать, как далеко на север лежит эта земля и живет ли кто-нибудь к северу от этого необитаемого пространства»*.

Сразу оговоримся, что плавание норвежца состоялось, вероятно, в начале лета или самое позднее в июле месяце, т. к. со второй половины августа ночи на Белом море становятся темными. Вот что пишет по этому поводу один историк: *«Оттар, несомненно, воспользовался для своего плавания длинным полярным днем; по его словам, 15 дней ушло на путь до устья Северной Двины, и, вероятно, столько же длилась стоянка у Нордкапа и Святого Носа в ожидании погоды. Обратный путь занял не меньше времени; за два месяца Отер не видел ни одной звезды, а следовательно, и Полярной»*.

Плавание свое они начали с побережья провинции Халогаланд, приблизительно от острова Гёнде. Вначале они шли на судне три дня на север вдоль берега, пока не достигли предела китобойных промыслов, – это около 69 градусов северной широты, т. е. на полпути от мыса Нордкап. Далее они следовали еще три дня на север, оставляя по правому борту берег, а слева – океан, достигнув места, где изгиб берега материка круто поворачивал на восток. Это около самой крайней северной точки Скандинавского полуострова – мыс Нордкап. Оттуда путешественники, дождавшись северо-западного ветра, еще 4 дня шли вдоль побережья, где им снова пришлось ожидать попутного, но уже прямого северного ветра, т. к. берег поворачивал на юг. Вероятно, за это время Оттар мог достигнуть мыса Святой Нос на Кольском полуострове.

Затем они снова шли вдоль побережья еще 5 дней, пока не достигли устья большой реки. Вот именно эта неведомая река и стала камнем преткновения для исследователей. Каких только гипотез не выдвигалось за истекшие три столетия!

Например, известный полярный путешественник и исследователь Ф. Нансен называл даже место конечной стоянки Оттара – это река Варзуга на Терском берегу. Этой же точки зрения придерживались в XIX столетии ученые Талльгрэн, Алениус, Малоне, уже в наше время – советские исследователи Белов, Матузова и др.

Ученый Г. Гебель сразу категорически отверг это утверждение: *«Отер, пройдя Святой Нос, брал курс на юг, обязательно должен был попасть не в Варзугу, а не иначе, как в устье Северной Двины, единственно широкой реки Белого моря с густо населенным, или, как значится в других переводах, с обработанным берегом, потому что, войдя, по всей вероятности, в один из крайних рукавов, ему виден был только берег с одной стороны, а с другой кошки², наверное, 1000 лет назад не населенный и голый. Причем, Отер вовсе не считает нужным рассказать, почему он пересек горло Белого моря, вследствие ли указаний терфиннов или потому, что он сам усмотрел высокий противоположный Терскому Зимний берег»*. К Зимнему берегу еще вернемся.

Не назвав реки, Оттар поставил исследователей перед дилеммой, где, в каком месте локализовать пресловутую реку. Вторая группа ученых (Джаксон, Мачинский и др.) предложила расположить ее западнее устьев рек Стрельны и Варзуги на Терском берегу – в Кандакше или на реке Умбе.

А московский исследователь начала прошлого века С. К. Кузнецов (1905) вообще усомнился в том, что норманны побывали в Белом море. Он считал, что за такой короткий срок, т. е. за девять дней, пройти путь от Нордкапа до устья Северной Двины невозможно. При этом он ссылаясь на быстроходные современные пароходы, которые преодолевали тот же отрезок пути за 6 дней, поэтому, по его мнению, парусное судно никак не могло пройти это

² Кошка – поморское название *песчаной морской отмели*. (Сравни у В. Даля: *«кошка – коса на взморье или отмель грядю, обнажаемая отливом»*). Обычно образуется в море при устьях впадающих в него рек. При отливе обнажается, когда же в море идет прилив, кошка становится невидимой для мореходов, что являлось одной из причин крушения судов, особенно в осенний штормовой период.

расстояние быстрее. Однако Кузнецов не учел одного обстоятельства, что, конечно, трудно было сделать, не побывав на Севере: этот единственный пассажирский пароход, курсировавший между Архангельском и Норвегией (мыс Нордкин), останавливался тогда, как говорили в народе, «у каждого столба», т. е. почти у каждого селения по пути следования, начиная от Золотицы на Зимнем берегу и у каждого становища – на Мурманском, причем на этих рейдах стоял иногда по несколько часов, в зависимости от погоды.

Приведем еще примеры. В 1582 году для выполнения дипломатической миссии царем Иваном Грозным в Англию был отправлен посол Ф. А. Писемский с толмачом Алексеем Ховралевым. Добирались они из Москвы до места назначения по Белому морю на парусных английских судах. В своем отчете русский посол отметил, что «от Колмогорской пристани³ до Варгава⁴ или одиннадцать дней», причем они еще три дня *штормовались* по пути следования в беспокойном Баренцевом море. Другой посол, Г. И. Микулин, выполняя ту же миссию, но только посланный в Англию уже царем Борисом Годуновым в 1600 году, также в своем статейном списке отметил, что «*корабли или [от устья Двины] до Кильдина острова пять дней, от Кильдина острова до Северного Носу⁵ три дня*». Уверены, что парусные английские суда не должны были принципиально отличаться по своей конструкции. Далее, если быть точным, то Оттар вообще не должен бы обходить Нордкап, т. к. тот лежит на острове, отделенный от материка проливом Магер-зунд. Пройдя вдоль берега шхерами, он мог обогнуть только самый северный мыс континентальной Европы – Нордкин. От него с попутным ветром и при хорошей погоде (в июле в высоких широтах бывает не штормовая погода продолжительное время) за 4 дня со скоростью 4 узлов, или 7 км в час (скорость гребной шлюпки), можно спокойно добраться до Святого Носа. А уж от Святого Носа до Северной Двины, даже двигаясь с черепашьей скоростью 2 узла в час, преодолеть расстояние в 250 миль нетрудно в 5 дней.

Наоборот, надо удивляться не большой скорости судна Оттара, а его медленности плавания от Нордкапа, или Нордкина, до устьев Северной Двины. Вероятно, он еще где-то делал остановки, например, для пополнения запасов свежей питьевой воды или знакомства с местными аборигенами. Оттар в своем рассказе о путешествии приводит сравнение говоров финнов и биармийцев, указывая на их схожесть, он же по пути следования был знаком с птицеводами, рыбаками, охотниками.

С. К. Кузнецов считал, что реку Вину⁶ (хотя Оттар ее не называл, а это наименование Северной Двины появится в сагах позднее) надо искать на Мурманском или Терском берегу. Под «большой рекой» Оттара он допускал несколько рек: Тулому (на которой стоит Кола), Териберку, Воронью, Иоканьгу или Поной. При этом Кузнецов абсолютно исключал не только Северную Двину, но и реку Мезень, несмотря на то что до устья последней, если пересечь одноименный залив, можно дойти значительно быстрее, чем до Двины. И в этом была его основная ошибка. Третья группа ученых, сторонники локализации «большой реки» Оттара в Двинском заливе, убеждены, что норвежец побывал на берегах Северной Двины, или, как считают авторы этой книги, возможно, даже заходил в одну из рек Зимнего берега.

Мнение ученого конца XIX века Г. Гебеля было изложено выше. Немецкий исследователь Вебер (1883) придерживался той же гипотезы, считая, что «*именно там находилось то единственное место, которое обладало огромной притягательной силой для заморских купцов. Это были самые доступные для мореходов ворота в страну, богатую драгоценным северным пушиным зверем. Только здесь, в устье Северной Двины, мог увидеть Оттер*

³ Колмогорская пристань – Холмогоры, расположенные вверх по реке в 80 км от устья Северной Двины.

⁴ Варгав – северный норвежский порт Варде.

⁵ Северный Нос – мыс Нордкап.

⁶ Вина – Северная Двина в исландских и скандинавских сагах.

«обработанную землю» и «большую реку». Подобную точку зрения отстаивали автор книги «Поездки скандинавов в Белое море» Тиандер (1906) и позднее – советские ученые Платонов, Андреев (1922), Свердлов (1973).

По очень удачному замечанию Г. В. Глазыриной, современного исследователя исландских саг, исключительно все историки, занимающиеся проблемой существования Биармии, локализовали «большую реку» биармийцев или биармов, опираясь на англосаксонское выражение Альфреда Великого «*gan micel ea*», употребленное в тексте при определении места, куда пришло судно. Данное словосочетание все интерпретировали как «большая река», и именно так оно переведено во всех существующих текстах, как на русский, так и на другие языки, что и послужило причиной для привязки ее к устьям крупных северных рек. Однако англосаксонское слово «*ea*» имеет более широкое значение – не только как «река», но и «водный поток», «течение»!

Нас очень давно интересовал вопрос о Биармии, когда-то процветающей богатой стране и вдруг внезапно исчезнувшей. И долго не могли найти ответа, почему Оттар в своем рассказе не дал названий ни рекам, ни тем местам, где он побывал, в первую очередь, конечно, не указал тех названий, которые ему могли сообщить аборигены (финны, терфинны и собственно биармы или биармийцы), с которыми он общался. И все больше склонялись к мысли, что он и не собирался передавать англичанам точные географические данные страны, богатой пушниной и «рыбьим зубом» (моржовыми клыками), мамонтовой костью, чтобы исключить в будущем конкурентов. Хотя скандинав там был не один раз, по его же словам, «*вскоре он поехал туда не только для того, чтобы увидеть эти края, но и за моржами*», т. е. ходил в северные моря не в ознакомительную поездку, а для добычи морского зверя. Известно также, что позже, в 874 году, по поручению короля Альфреда Великого он вновь совершил еще одно путешествие в Биармию.

Именно тогда и пришли к мысли, что под «большой рекой» надо понимать не какую-то конкретную реку, а... *горло* Белого моря. Кстати, позднее мы нашли подтверждение своей догадки в книге той же Г. В. Глазыриной, однако она рассматривала данный вопрос несколько иначе и локализовала землю *биармов* на южной оконечности Кольского полуострова.

В книге «Зимняя сторона» одним из авторов дана естественно-географическая и гидрологическая характеристика Белого моря, и в частности его самой узкой части, так называемого *горла* – пролива между Кольским полуостровом (Терским берегом) и материком (Зимним берегом). Для наших моряков хождение через *горло* Белого моря, особенно в те далекие времена, когда отсутствовали карты, навигационные знаки и маяки, – было всегда рискованным мероприятием и чревато трагическими последствиями. Тем более для древних скандинавских мореходов эта часть моря могла показаться и широким бурным потоком, и рекой с ее обманчивыми приливно-отливными течениями и «крутыми суvoями», неведомыми для норманнов, ходивших всегда в относительно спокойных водах прибрежных шхер. Оттар мог подразумевать под «водным потоком», «течением» широкую полноводную реку потому, что, войдя в *горло* Белого моря – самое узкое его место, путешественник, по нашему мнению, увидел сразу два берега: справа поближе Терский берег и слева вдали – Зимний. Естественно, эти строки сразу вызовут возмущение оппонентов, исключаяющих такую возможность, но, тем не менее, это так.

Не забывайте, что Оттар совершал свое путешествие более тысячи лет назад, и тогда море было значительно уже в своей *горловой* части. Известно, что каждый год весной и осенью происходит значительный размыв берегов Белого моря льдами, приливно-отливными течениями, причем особенно этому подвержен высокий Зимний берег в районе Вепревского и Зимнегорского маяков. Уверены, что норвежские путешественники в IX веке могли видеть

в самом узком месте Горла моря одновременно тот и другой берега, поэтому у Оттара и нет названия этой пресловутой «реки».

А в реки он наверняка мог заходить – ему же были нужны питьевая вода и товар для обмена. Это могли быть и Чапома, и Стрельна, и Варзуга на Терском берегу, широкие и глубоководные реки в те времена Золотица, Мудьюга – на Зимнем и, естественно, Северная Двина.

Но, вероятней всего, что Оттар мог увидеть обитаемые земли *биармов* только на южном побережье Белого моря, он же говорил, что «*земля эта заселена по одной стороне реки*», а противоположная – Терский берег, где жили *терфинны*, – земля «*вся необитаема*».

В рассказе Оттара мы впервые встречаем название племени, обитавшего на берегах этой неведомой реки – *биармы* или *биармийцы*. Путешественник подчеркивал разницу между финнами и *терфиннами*, с одной стороны, и *биармами* – с другой, хотя одновременно заметил, что финны и *биармийцы* говорят почти на одном и том же языке. Он указывал, что финны были только охотниками и рыболовами, их поселения были очень редки, наоборот, страна *биармов* была сравнительно густо заселена, и они занимались земледелием. К путешествию Оттара мы еще вернемся, но определенно можно сделать однозначный вывод, хотя Оттар и не дал названия мест, в которых побывал, вероятней всего, он посетил Белое море и устье Северной Двины.

* * *

По мнению исследователей, исторический характер носит следующая сага, повествующая о путешествии норманнов в Биармию. «Сага об Одде Стреле», созданная примерно в XIII столетии и рукописи которой хранились в Копенгагене и Стокгольме неостребованными до XVIII века, дошла до современников в нескольких версиях. В ней рассказывается о легендарном норвежском викинге, обладавшем огромным ростом и гигантской силой. Он навечно остался в памяти скандинавского народа, один из немногих, удостоившихся чести запечатлеть себя в сагах. Одд был знаменит еще тем, что без промаха стрелял из лука, за что и получил меткое прозвище Стрела.

Когда Одду исполнилось 12 лет, приглашенная в их дом колдунья предсказала ему, что, достигнув зрелого возраста, он погибнет от своего коня. Историки отметили удивительную схожесть судеб данного героя скандинавской саги и нашего летописного Вещего Олега, который, как вы помните, погиб от своей лошади, точнее, от укуса змеи, не вовремя выползшей из черепа давно околевшей княжеской любимицы.

Не по годам смысленный, Одд еще мальчишкой не верил ни в бога, ни в черта (кстати, это не единичный случай безверия у скандинавов) и считал постыдным поклоняться различным идолам и менгирам в отличие от большинства своих соотечественников.

Сильный по своему характеру, он не поверил старой колдунье, но, тем не менее, принял меры предосторожности и на всякий случай приказал убить свою лошадь, наверное, думая тем самым обмануть судьбу, что, как выяснится позднее, ему сделать не удалось.

Посетив своих родителей после долгой разлуки, Одд узнал, что его младший брат Гутмунд и племянник Сигурд на двух кораблях собираются в плавание до Биармии. Он тотчас же принял решение идти с ними в поход, но родственники, не зная его, стали всячески искать причину для отказа, мол, для сборов требуется время, а Одд абсолютно не готов для опасного приключения.

Ему не удалось убедить упрямых родственников, в конце концов, они наотрез отказались идти с ним в поход. Тогда он с отцом вернулся домой.

Через полмесяца Одд узнал, что корабли брата и племянника все еще не ушли в Биармию. А причина оказалась банальной – Гудмунду приснился сон, что громадный белый мед-

ведь окружил своим телом остров, как кольцом, при этом его голова и хвост сошлись на их корабле, а сам он весь ошетинился, и казалось, что дикий зверь вот-вот набросится на судно и потопит. Суеверный Гудмунд посчитал, что образ медведя является воплощением души Одда, и поэтому, чтобы не искушать судьбу, все же решил пригласить в путешествие родственника. Однако теперь уже Одд заартачился, он затребовал отдельное судно, на что были вынуждены пойти суеверные братья. На время совершения похода они заключили союз.

При проводах отец подарил Одду три стрелы, скованных одним обручем и обладавших волшебными свойствами: они могли поражать абсолютно все, во что целился стрелок, причем, как бумеранг, всегда возвращались к тетиве лука. Одд от души поблагодарил отца за драгоценный подарок.

После расставания Одд отправился на судно и немедленно отдал приказание поднять якорь и выходить в дальнее странствие. Затем, развернув паруса, направил свое судно на север. То же самое сделали Сигурд и Гудмунд: они пошли вслед за Оддом на север без остановок до самой северной части Норвегии – Финмарка, где они впервые бросили якорь. В том месте берег был усеян землянками, заселенными финнами.

Утром Гудмунд со своими людьми направился на берег, где тут же приступил к грабежу бедных финнов. Викинги без труда врывались в землянки, благо хозяева-финны отсутствовали дома, находясь на промысле зверя и ловле рыбы. Насилюемые финки подняли такой крик, что воины на корабле Одда заволновались и стали проситься у своего предводителя на берег, однако Одд категорически запретил выходить им на материк.

После возвращения грабителей брат строго спросил у Гудмунда, действительно ли он участвовал в нападении на мирных финнов. Получив хвастливый ответ родственника о полученном удовольствии грабить бедных аборигенов, Одд сказал, что он не видит славы в насилии беззащитных женщин и предупредил, что грабителей ждет расплата за содеянное, а он немедленно отплывает.

К сожалению, в саге ничего не говорится, как они добирались до Биармии. Но, тем не менее, вскоре они оказались в устье Двины (Vina) и направились вверх по реке. В саге упоминается, что на Двине много островов, пройдя еще выше, они бросили якорь за каким-то мысом, который от материка выдавался в реку. Было бы заманчиво увидеть в этом мысе Пур-Наволоок, на котором собственно позднее появился город Архангельск. Кстати, от этого места Двина делится на три рукава: Березовский, Мурманский и Пудожеский или Никольский, из которых Березовский имеет больше всех островов и считается самым глубоким, недаром позднее ему было дано название Корабельный. Остальные рукава считаются неглубокими, и там могли проходить только мелкие суда. Поэтому Одд поднялся от острова Мудьюг вверх, вероятно, по Корабельному рукаву Двины на расстояние примерно около 50 км и бросил якорь, вероятно, около мыса Пур-Наволоок. В 2004 году при реставрации Гостиного двора в Архангельске был обнаружен клад, включающий в себя относящееся примерно к X веку скандинавское вооружение – четырнадцать мечей, шесть арбалетов, лук со стрелами, два боевых топора, булаву, кистень, два щита и два шлема. А Гостиный двор расположен как раз на мысу под названием Пур-Наволоок, упоминаемый в древних двинских грамотах.

Как только они туда прибыли, напротив их якорной стоянки на берегу сразу появились аборигены. Одд отправил несколько человек для переговоров с ними и, как обычно бывало, решил заключить мир для торговли на полтора месяца. Биармийцы пришли на берег с различными мехами, и тотчас начался торговый обмен. Но, когда прошло установленное время, мир был отменен, и Одд со своими людьми отъехал на середину реки к судну, стоявшему на якорной стоянке.

Когда наступила ночь, норманны увидели, как на берег вышла большая группа биармийцев и стала кружиться на одном месте. Вероятно, они совершали какой-то магический обряд, или, может быть, водили обыкновенный хоровод в честь какого-нибудь религиозного

праздника. Когда закончились обрядовые танцы, Одд со своим напарником Асмундом незаметно высадились на берег и последовали за туземцами в лес.

Там они увидели большую избу. Кстати, в саге указывается, что к тому времени было очень темно, вероятно, действие происходило в конце августа – начале сентября. Подойдя к дверям избы, они увидели, что внутри хорошо освещенного помещения было много народу, там повсюду шло веселое пированье.

Одд спросил у своего напарника, понимает ли он речь местных жителей; Асмунд ответил, что она напоминает ему щебетанье птиц. Тогда они приняли решение похитить человека, который разливал вино, т. к. им почему-то показалось, что он должен знать норвежский язык. Одд незаметно вошел в сени избы и встал за дверью у порога, где было темно. Вскоре туда за очередной порцией вина вошла намеченная жертва, Одд сразу схватил виночерпия и без труда приподнял от земли. Тот, испугавшись, сразу громко завопил, что его схватила нечистая сила, и стал просить о помощи. Биармийцы мигом протрезвели, выскочили в сени и в темноте стали держаться за виночерпия, который продолжал оглушительно орать. Одд, обладая невероятной силой, стал отмахиваться от биармийцев бедным виночерпием, как дубиной, а затем выскочил с ним на улицу и скрылся в лесу. Повергнутые в ужас аборигены так и не решились выйти из избы, боясь внезапно появившейся нечистой силы.

Одд с виночерпием и Асмундом устремились к судну. После того, как похищенный успокоился, Одд посадил его рядом с собой и стал расспрашивать, но виночерпий упорно молчал. После обещания заковать его в железо, виночерпий на чистом норвежском языке спросил, что именно хотят от него узнать. На естественный вопрос, откуда тот родом, пленный поведал, что он соотечественник Одда и пробыл в Биармии семь лет. Причина такой задержки норвежца в этой стране осталась неизвестной. Но когда пленного спросили, нравится ли ему здесь, ответ был отрицательным.

Одда и его товарищей интересовало более всего, где им поискать богатой добычи в этой стране. Виночерпий поведал им об огромном кургане, находящемся еще выше по реке Двине и составленном из земли и монет, т. к. в Биармии существовал обычай, когда человек умирал или рождался, то за того человека несли туда горсть земли и горсть серебра. И таким образом образовывался большой курган, составленный наполовину из земли и серебра.

Одд принял решение послать к кургану брата Гудмунда, а сам остался на судне со своими людьми и виночерпием. Ночью они тайно высадились на берег и пробрались к кургану. Собранных денег было так много, что им пришлось сооружать носилки. Нагрузив их, они вернулись на судно, за что получили похвалу от Одда. Попросив Сигурда и Гудмунда последить за виночерпием и оставив охрану на судне, Одд со своими людьми тоже отправился к кургану. Когда дядя и племянник стали пересчитывать похищенные серебряные монеты и на время потеряли бдительность, пленный неожиданно вскочил, бросился за борт и быстро поплыл к берегу. Гудмунд, чтобы исправить свою оплошность, схватил копье и бросил вслед беглецу. Оно попало в бедро виночерпия, но, несмотря на страшную боль, он все же сумел доплыть до берега и скрыться в лесу.

А тем временем Одд, добравшись до кургана, приказал каждому участнику экспедиции приготовить для себя, как указано в саге, *ноши* для переноски добычи. Это, вероятней, всего были обыкновенные, так называемые у поморов – *крошни*, в которых очень удобно носить и рыбу, и зверя, и вообще любой негабаритный груз. Это неприхотливое приспособление для носки груза представляло собой большой кусок бересты, к которой с одной стороны крепились две лямки для ношения на спине, а с другой – две распахивающиеся створки – крыла, изготовленные из обыкновенной сетки, с помощью которых крепился груз в *крошнях*.

Нагрузив полные котомки серебром и дождавшись рассвета (а ночи, как уже упоминалось, были темными), они быстро пошли обратно вниз по реке около кромки леса. Пройдя немного, Одд остановил отряд и сказал Асмунду, что впереди он видит биармийцев, высту-

пивших большой толпой из леса; вероятно, предположил он (и не ошибся!), виночерпий сбежал от Гудмунда и предупредил местных жителей. Поэтому Одд приказал отходить к реке, загородить собой мыс (хочется, конечно, верить, что это архангельский Пур-Наволок) и ни в коем случае не отдавать добычу. А до стоявших на рейде судов викингов было бы рукой подать.

Отдав приказание, сам же Одд побежал в лес, быстро вырубил огромную дубину и вернулся к своим людям. Когда толпа биармийцев начала наступать на викингов, то во главе них Одд увидел своего старого знакомого – виночерпия. Викинг успел спросить у него, что же тот поддерживает не своих земляков, а людей, у которых находится в плену. Виночерпий ответил, что, зная о замыслах норманнов, хочет сделать так, чтобы скандинавам было лучше. А предложение заключалось в том, чтобы снова устроить торг и норвежцы продали бы биармийцам оружие, в первую очередь, боевые мечи. Но Одд и его сподвижники наотрез отказались от такой затеи. Тогда виночерпий прокричал им, что в таком случае они вынуждены защищать свою жизнь и богатство, принадлежащее предкам жителей Биармии.

Удивительно, но не верящий ни в бога, ни в черта, больше всего Одд боялся, как видно из саги, чтобы ни один из павших в бою не попал в руки биармийцев, т. к. те, по мнению всех скандинавов, славились своим колдовством и чародейством. Поэтому предводитель викингов приказал трупы погибших не оставлять на поле боя, а забирать с собой и затем бросать в реку.

И начался страшный бой. Обладая огромной силой и гигантским ростом, Одд бесстрашно бросился в толпу и стал размахивать своей дубиной, сокрушая вокруг себя бедных биармийцев. Не выдержав такого яростного натиска, двиняне вынуждены были отступить. Как отмечает сага, очень жестокий был тот бой, много народу пало на поле сражения. Кончился он тем, что биармийцы, не имея такого сильного оружия, как длинные мечи викингов (недаром наивные туземцы просили их продать для своей защиты), обратились в бегство.

Одд еще долгое время преследовал несчастных и убивал всех, кого настигало страшное оружие норманна. Затем вернулся к своим и распорядился разделить добычу. Требовалось отделить серебряные монеты от присохшей земли. На кургане, который они грабили, некогда было этим заниматься, в котомки грузились драгоценности вместе с землей, а теперь в спокойной обстановке можно было завершить раздел добычи.

Проснувшись утром, викинги не обнаружили своих судов, – они ушли в неизвестном направлении, видно, испугался Гудмунд и дал распоряжение подальше уйти от места сражения. Одд посчитал, что поступок напарника можно расценивать двояко: либо он где-то скрывается, либо просто струсил и предал своих земляков. Однако викинги не могли поверить таким суждениям. Для того чтобы еще раз удостовериться в своих словах, Одд решил проверить и побежал в лес. Выбрав высокое дерево, он быстро взобрался на него и развел костер прямо на верхушке. Дерево внезапно вспыхнуло, и так ярко, что озарило округу на большое расстояние. А через некоторое время к берегу, где столпились норвежцы, быстро подошли две лодки, посланные с морских судов викингов, ставших опять на рейде напротив огромного костра.

После этого Одд Стрела с напарниками взошли на свои корабли и немедленно отплыли с богатой добычей, а затем благополучно добрались до исходной точки своего путешествия в Биармию – самый северный район Норвегии – Финмарк.

Позднее у некоторых исследователей возникло суждение, что Оттар и Одд один и тот же человек. Однако это ошибочное мнение опроверг еще в начале прошлого века писатель Тиандер, утверждая, что эти два путешествия относятся к разным эпохам.

Во-первых, Оттар непосредственно побывал в Англии и жил при дворе короля Альфреда Великого – это исторический факт, в саге же об Одде Стреле ничего подобного не говорится. Во-вторых, хотя король прямо не высказывается, но из его записок явствует, что

именно Оттар первый побывал в Биармии. Наоборот, в саге об Одде повествуется о виночерпии, который был родом из Норвегии и задолго до похода известного викинга прибыл в Биармию, а затем оказался захваченным в плен. Значит, не всегда скандинавы так победоносно завершали свои путешествия, а иногда терпели поражения и попадали в плен, стало быть, биармийцев не следует представлять такими слабыми и беспомощными, какими их изображают скандинавские саги.

В-третьих, как-никак записки короля Альфреда являются историческим документом, а сага все же представляет собой поэтическое произведение, созданное народом и, как известно, не всегда следовавшее исторической хронике, т. к. в них содержалось много фантазии и выдумок.

И главное, у Оттара и Одда цели поездки были абсолютно разные: если первый путешественник оказался в Биармии в поисках новых мест ловли китов и охоты на моржей, то второй со своими людьми шли на север, преследуя одну цель – грабить местное население. Это обстоятельство еще раз подчеркивает, что события, связанные с поездкой Одда, происходили значительно позднее времени оттаровского путешествия, – они совершались в разгар эпохи грабительских набегов викингов.

Тиандер правильно подметил, что Оттар довольствовался только тем, что охотился на моржей (а это было целью второй его поездки) в пределах Биармии, тогда как Одд и его люди ни о какой охоте не помышляли и, предварительно ограбив финнов из Финмаркена, учинили грабеж священного кургана биармийцев на Северной Двине.

В чем причина такого положения? Основным источником доходов для норвежцев во времена Оттара служила ловля китов и скотоводство. У того же Оттара в хозяйстве содержалось помимо 600 оленей, 20 голов крупного рогатого скота, 20 овец и 20 свиней. Тут уж не до грабежей, как бы свой скот прокормить.

Главным видом морского промысла норвежцев в те времена являлась ловля китов, которые, как указывает Альфред, достигали длины свыше двадцати метров. Но постоянная охота скандинавов на этот вид млекопитающих, как на основной источник жира, употребляемого в пищу и применяемого для освещения помещений, привел к тому, что уже в XIII веке отмечалось почти полное отсутствие китов у берегов Северной Норвегии. Нужно было найти новые места их ловли. Это, вероятно, является одной из причин поиска Оттаром других мест охоты на морского зверя и, как следствие, открытие норвежцами богатой рыбой, зверьми и птицей страны Биармии.

* * *

А был ли Оттар первооткрывателем северных морей? На этот вопрос можно ответить категорически – нет. Норвежцы задолго до Оттара были знакомы с водным путем, ведущим к устью Северной Двины, причем в IX веке плавание Оттара не было каким-то необычным событием. Ему больше «повезло»: он вошел в историю, как первооткрыватель неведомых северных земель и морей, – просто на его жизненном пути повстречался такой любопытный человек, как король Альфред Великий.

Кстати, известный норвежский ученый Тормод Торфей (Torfaues) в XVIII столетии утверждал, что норманны еще в III веке открыли путь в Биармию. Но этот вопрос очень спорный, и утверждения Торфеуса остаются недоказуемыми, и, тем не менее, все же его нельзя безоговорочно отрицать.

Доказательством того, что торговые отношения норманнов с жителями побережья Белого моря существовали задолго до посещения этих берегов Оттаром, служит торговля скандинавов так называемым «рыбьим зубом»: иначе откуда могли появляться в Норвегии моржовые клыки, если не из Биармии. В те времена Гренландия, Исландия и Шпиц-

берген еще не были открыты норманнами. Вероятней всего, собираясь в это путешествие, Оттар уже мог знать о существовании северной страны, откуда поступали моржовые клыки, мамонтовая кость и другие товары.

Известный полярный капитан Ф. Нансен придерживался аналогичной точки зрения и в начале прошлого столетия вполне определенно заявлял: *«Приходится сделать вывод, что норвежские охотники за моржами уже очень давно занялись поисками лучших, сулящих более богатую добычу лежбищ и направлялись с этой целью в восточные районы Северного Ледовитого океана, изобиловавшие этими животными. В этом направлении плыл и Оттар... Вполне вероятно, что уже задолго до него охотники за моржами бывали в этих водах»*.

В этой связи приведем предположение ученого Коля, высказанное им в 1869 году: *«Норвежцы с древнейших времен охотились на моржей в Северном Ледовитом океане»*. Действительно, тысяча лет назад район распространения моржей был значительно шире, они обитали на *Груманте* (Шпицберген), *Матке* (Новая Земля), других островах полярных морей. Водились они и в Белом море, особенно много лежбищ обладателей «рыбьего зуба» было на острове Моржовец (отсюда такое меткое поморское название острова) и восточном побережье Мезенского залива. Кстати, известный знаток животных А. Брем утверждал, что во времена Древнего Рима моржи обитали даже на побережье Шотландии, что вызывает, конечно, глубокое сомнение. Авторы этой книги пока не сталкивались с фактами, подтверждающими торговлю «рыбьим зубом» с островов туманного Альбиона, заготовленных шотландцами или бриттами. Моржовые клыки, как известно, обычно всегда поставлялись только с полярного Севера.

Если уйти еще дальше в глубину веков, в доисторические времена, то можно найти следы связей древних скандинавов с аборигенами побережья Белого моря.

Известная исследовательница памятников мезолита и неолита на территории Архангельской области М. Е. Фосс (1899–1955) в своем фундаментальном труде «Древнейшая история Севера Европейской части СССР» отметила идентичность кремневых орудий, найденных на Беломорском побережье и в других районах северной части Европы. Например, на острове Олений в Кольском заливе найдены наконечники стрел, которые точно повторяют форму наконечников, имеющих происхождение с побережья Белого моря, в частности Зимней Золотицы, где была, как известно, доисторическая «фабрика» производства кремневых изделий. Поэтому она сделала следующий вывод: *«Возникает предположение о том, что беломорское население имело сношение с населением, жившим у Кольского залива, через горло Белого моря, а затем по северному побережью Кольского полуострова»*.

На наскальных рисунках неолитических времен, обнаруженных на Карельском берегу Белого моря и на побережье Онежского озера, высечены изображения больших лодок, в которых могло уместиться до 24 человек. Хотя М. Е. Фосс допускала передвижение людей только через *горло* Белого моря (на Терский берег и Мурман), можно сделать предположение, что уже в те времена древние люди заплывали и дальше, т. е. проходили на судах вдоль всего Кольского полуострова до его северной части, а может даже до Скандинавии. *«Найденные наконечники стрел на Зимнем берегу, – утверждала М. Е. Фосс, – близки по типу к шведским. Племена, населявшие различные области Севера, находились в сношениях между собой»*. Значит, если следовать логике, то должна была существовать и обратная миграция древних рыболовов и зверобоев с норвежских и шведских берегов на Белое море.

Итак, Оттар был не единственным первооткрывателем Биармии. Вслед за ним в Белое море направился целый ряд норвежских мореплавателей, кто для торговли, кто просто для грабежа – в те времена это было обычным явлением.

* * *

Тем более, наступили времена набегов сильных и могучих скандинавских морских воинов – *викингов*. К началу так называемой *эпохи викингов* на Скандинавском полуострове (в Швеции, Норвегии), Дании стали образовываться первые «дружинные» государства, объединяющие вокруг себя дружинников-викингов, которые помогали выполнять избираемому королю (в латинских текстах *rex*, в скандинавских *konung*), кроме военной, все другие государственные функции: сбор податей, суд и административное управление.

Почти все IX столетие Норвегию раздирали междоусобные войны, брат шел на брата, сын на отца, отец на сына – много крови пролилось, тогда для решения вопроса обычным делом считалось убийство родных соперника, поджог дома или судна. Пик походов викингов падает как раз на IX столетие, из письменных документов тех лет известно, как страдали страны Западной Европы и Средиземноморья от викингских набегов. Этими страшными событиями наполнены саги того времени.

Хотя традиционная дата начала эпохи викингов обозначается исследователями 8 июня 793 года, т. е. со времени, когда викинги напали на монастырь Святого Кутберта на острове Линдисфарне у восточного побережья Англии, однако автор популярнейшей книги позапрошлого столетия «Походы викингов», шведский ученый Андерс Стринггольм (1786 г.р.) эту дату относит к 753 году. Именно тогда викинги, или норманны, впервые появились у берегов Англии и ограбили остров Танет, или Тинет.

Считается, что эпоха викингов завершилась во второй половине XI века, в год гибели норвежского конунга Харальда Сурового Правителя в битве у английского города Стамфорд-бриджа в 1066 году.

Почти три столетия викинги внушали ужас народам прибрежий стран Западной и Северной Европы, Африки, Средиземноморья и, конечно, Белого моря. Задолго до VIII века корабль стал высшим символом боевого духа викингов. Неудивительно, что повсюду в Скандинавии судно являлось эмблемой викингов, т. к. жизнь этих пиратов зависела главным образом от корабля, который мог доставить их в любую точку морей-океанов. Их благополучие и зачастую жизнь зависели от этих неприхотливых плавательных средств.

Флотилии судов несли рослых рыжеволосых воинов, издававших боевой клич, приводивший в трепет всех живущих на побережье и островах от севера до юга, где они сеяли смерть и разрушения. Корабли викингов появлялись всегда неожиданно на горизонте и приближались к берегам так стремительно, что прибрежные жители даже не успевали собрать самое необходимое, и им приходилось убегать сломя голову, спасаясь от нападения жестоких варваров.

Западные летописцы приписывают викингам чрезвычайную отвагу и быстроту своих наступательных операций; удивляясь их великому искусству управлять судами, утверждают, что ни один народ не мог с ними состязаться на море. Их суда были одинаково приспособлены как к весельному, так и парусному ходу.

Хотя следует сразу отметить, что парус появился на судах скандинавов, начиная с VII столетия, до этого их флот был исключительно гребным. Давая описание кораблей Севера, Корнелий Тацит в своем труде «О происхождении германцев» еще в I веке отметил: «*Среди самого Океана обитают общины свионов; помимо воинов и оружия, они сильны также флотом. Их суда примечательны тем, что могут подходить к месту причала любой из своих оконечностей, так как и та и другая имеют у них форму носа. Парусами свионы не пользуются и весел вдоль бортов не закрепляют в ряд одно за другим; они у них, как принято на некоторых реках, съемные, и они гребут ими по мере надобности то в ту, то в другую сторону*».

Норманны были искусными мореплавателями, прекрасно умели пользоваться приливом и отливом для входа в реки стран Европы. Особенно были поражены жители Парижа одной характерной картиной, когда однажды увидели, как суда викингов передвигаются по суше. Один летописец рассказывает, что переправляясь по Сене, не доходя столицы Франции, норманны сноровисто вытащили свои суда из воды и поволокли их посуху, обходя город, на расстояние более полукилометра, потом опять спустили на воду выше Парижа и проследовали далее по Сене для захвата города Шампани. Парижане с удивлением взирали на это зрелище, и западный летописец упоминает о нем, как невероятном и неслыханном событии. Хотя, как мы сейчас знаем, у северных народностей, в том числе и наших предков – русов-славян, это было обычным явлением – перетаскивать лодки посуху – через *волоки*, чтобы сократить путь.

Что же означало слово *викинг* (*vikingr*)? По одной версии, как утверждают ученые, оно происходит от норвежского *вик* (*vic*) – *залив*, т. е. его можно перевести как *люди заливов*. По другой версии, слово *викинг* исследователи образовывали от названия конкретной местности Скандинавского полуострова – *Вика* (*Vicen*), прилежащего к Осло-фьорду в Норвегии. Однако, такое словосочетание, якобы образованное от указанного наименования норвежской области, позднее не выдержало критики, т. к. стало известно, что жителей Вика называли не *викингами*, а совершенно другим термином – *vikverjar*. Другое объяснение, что это слово образовалось от древнеанглийского *wic*, обозначавшего *торговый пункт, укрепление*, также было отвергнуто учеными.

По мнению автора книги «Походы викингов» А. Я. Гуревича, наиболее приемлемой считается гипотеза шведского ученого Ф. Аскерберга, который производил термин *викинг* от глагола *vikja* – *поворачивать, отклоняться*. Он полагал, викинг – это человек, который покинул родину, как морской воин, пират, для грабежа и разбоя в других странах. Ученый особенно подчеркивал, что в древних источниках отличали морские поездки скандинавов – если с целью грабительских набегов, то это называлось «отправиться в *viking*», при этом строго отличали от обыкновенных торговых поездок скандинавов.

Западные летописцы называли скандинавских пиратов – *норманны*, что переводится как *северные люди*. Автор «Славянской хроники» Гельмольд сообщал, что войско норманнов состояло «из сильнейших среди данов, свеонов и норвежцев». *Данами* и *свеонами* называли в древности предков датчан и шведов. Адам Бременский называл данов и свеонов также норманнами, он писал о «*пиратах, которых датчане называют викингами*».

В общем, *викингами* или *норманнами* тогда называли всех скандинавов (кстати, это слово являлось собирательным названием народов Норвегии, Швеции, Дании и части Финляндии) в период с середины VIII века до злополучного для них 1066 года. Стать викингом означало собраться в поход на своем судне за богатой добычей и славой, чтобы позже воспеть свои подвиги, битвы и сражения в не умирающих веками народных песнях-сагах.

Как же становились викингами? Будем справедливы, конечно же, не все население скандинавских стран участвовало в пиратских набегах на приморские государства, большинство простых людей, живущих в эпоху *викингов*, обеспечивали себе пропитание мирным трудом – животноводством, земледелием, охотой и рыболовством. Они ходили в море, ловили рыбу, били морского зверя – китов, моржей, тюленей, собирали ягоды, грибы, получали мед, яйца и тем самым зарабатывали себе на пропитание. Из старинных норвежских произведений, например, из одного из них под названием «Ригстхула», известно, что фермеры, не покладая рук, работали на своих землях, обеспечивая себя рыбой, мясом и одеждой. Они «*приручали быков, ковали орала, рубили дома и сараи для сена, мастерили повозки и ходили за плугом*», валили лес и расчищали его от камней для будущих посевов, строили не только пиратские *драккары*, но и небольшие маневренные суда для ловли рыбы и торговых поездок.

Становились викингами представители высшего сословия, аристократии, особенно младшие члены богатых семей, которым могло ничего не достаться из наследства. Для таких людей стать викингом означало уйти в далекий поход за богатством под предводительством своих местных вождей, часто обыкновенных авантюристов, жаждущих славы и большей власти.

Еще со времен *великого переселения народов*, относимого историками к VI столетию, существовал следующий обычай: в неурожайные годы или в случае большого увеличения населения, когда земля не могла прокормить всех жителей, избиралась по жребию часть молодых людей, которые были не женаты и еще не обзавелись собственным хозяйством. Они высылались за пределы страны для поиска в другом месте пропитания, жилья и обретения новой родины.

Например, в трактате, приписываемом аббату Одону (942 г.), упоминается обычай датчан, по которому из-за недостатка земли значительная часть их населения, по выпадению жребия, каждые пять лет покидала родину, чтобы искать себе новые земли и больше не возвращаться. Более подробно об этом обычае рассказал Дудон (Dudo Sanquintinianus), написавший целый трактат о нравах и деяниях первых нормандских князей около 1015 года. Дудон, приведя вначале рассказ о Скифском море (Scithicus pontus), острове Скандия (Scanzia insula), готах-гетах, далее поведал: *«Эти народы возбуждаются горячительным излишеством и, растлевая как можно больше женщин чрезвычайно возмутительным образом, производят бесчисленное множество детей в браках, так постыдно заключенных. Когда это потомство вырастает, оно заводит споры из-за имущества с отцами, дедами и между собой, так как численность его очень велика, а земля, ими занимаемая, не может их пропитать. Тогда это множество юношей бросают жребий, кто из них, по древнему обычаю, должен быть изгнан в чужие края, чтобы мечом завоевать себе новые страны, где они могли бы жить в вечном мире. Так поступали геты (Gete), они же и готы (Gothi), обезлюдив почти всю Европу, до тех пор, где они остановились ныне...»*

Покидая свою землю, они направляют свою волю на смертоносное нападение на народы. Отцы их гонят, чтобы они набрасывались на царей. Их отсылают без всякого добра, чтобы они на чужбине добыли себе богатство. Их лишают родной земли, чтобы они разместились спокойно в чужой. Их изгоняют на чужбину, чтобы они обогащались оружием. Вытесняют их свои люди, для того чтобы с ними делили имущество чужое. От них отмежевывается собственная родня, да возрадуются они имуществу чужестранцев. Их покидают отцы, не должны их видеть матери. Возбуждаются мужество юношей на истребление народов. Отечество освобождается от излишка жителей, а чужие страны страдают, безобразно наводненные многочисленным врагом. Обезлюживается все, что попадает им на пути. Они едут вдоль морских берегов, собирая добычу с земель. В одной стране они грабят, в другой – сбывают. Проникши в гавань мирным путем, они отплачивают насилием и грабежом» (Датско-русские исследования, К. Тиандер).

С тех пор морские походы вошли в обыкновение, когда отцы семейств отправляли взрослых сыновей «за море», чтобы они сами заботились о себе и наживали богатство. Именно оттуда у скандинавов пошел обычай – в трудные голодные годы отправлять молодежь под предводительством опытных старых вояк в морские походы для добычи оружием богатства в изобильных краях. Так родились викинги и викингские походы.

Трофеи, добытые в далеких странах, а частенько и у своих же соотечественников, в целях пополнения войска отдавались в дар молодым, крепким крестьянским парням. Чем больше было богатства у рядового предводителя викингов, тем больше была вероятность стать крупным местным вождем, а может быть, даже конунгом Норвегии.

Именно поэтому, когда были ограблены южные европейские страны, взоры викингов стали обращаться на богатые серебром, моржовой костью и пушниной северные земли, а путь туда, как мы уже знаем, был проторен.

* * *

Впервые упоминается главная река Биармии под загадочным скандинавским названием *Вины*, отождествляемой подавляющим большинством исследователей с Северной Двиной из-за наличия созвучных названий этой реки в русском (Двина), финском (*Veina*) и древнеисландских (*Vina*) языках, в исторических «Саге об Эгиле Скаллаграмсоне» и «Саге об Олафе сыне Трюгви», сочиненных в XII веке.

В первой саге говорится о походе Эйрика Бодека по прозвищу Кровавая Секира в Биармию, совершенного им в 920–930 годах, где на берегах реки Вины проходила большая битва с *биармами*, и он, естественно, одержал великолепную победу. Кстати, ни в одной из саг вы не найдете сведений о поражениях скандинавов, обычно викинги постоянно громят бедное туземное племя.

Во второй саге уже его сын Харальд по прозвищу Серая Шкура в 965 году совершил поход «*на север в Биармию*», где «*дал большую битву биармам на берегах Вины и одержал победу, перебив много народу*». Не подлежит сомнению, что в этих сагах под названием реки *Вины* кроется Северная Двина.

Для закупки товаров, пушнины и мехов на двух кораблях в 1026 году совершил очередной поход в Биармию богатейший житель норвежского острова Биаркей Торир Собака со своими напарниками – братьями Карли и Гуннстейном. Их вояж, как известно, закончился заурядным грабежом местных жителей. Об этих событиях повествуется в «Саге об Олафе Святом», в которой представлен, наверное, самый продолжительный и подробный рассказ о путешествии и пребывании скандинавов в Биармии. Позволим себе кратко остановиться на содержании саги.

Олаф Святой отправляет своего подручного Карли для сбора податей в *северную* часть своего королевства, а затем приказывает на хорошем судне отправиться дальше «*на север, в Землю Биармов*». Весной Карли направил свой корабль в *Халоголанд* – северную провинцию Норвегии, где к ним присоединился его брат Гуннстейн с товарищами. Той же весной они решили отправиться дальше на *север в Финмаркен*, крайнюю норвежскую область. Узнав о намерениях братьев, Торир Собака решил присоединиться к ним при условии, что они позже поделят пополам добычу, захваченную в неведомых краях.

В саге повествуется, что Торир, как только был готов, «*направил свой путь на север, около твердой земли*» и встретился с братьями в *Сандвере*, на острове *Хвале*, расположенного *севернее* Тромсё. Отсюда они пошли морем вместе, по очереди обгоняя друг друга и не теряя из вида кораблей напарника.

Вероятно, чтобы показать, что путь до Биармии был не коротким, в саге указано «*все лето они плыли, как позволял ветер*». Хотя здесь составитель саги явно лукавит, забыв, наверное, о том, что в то же лето они вернулись обратно.

Дальше не указывается маршрут морского похода норвежцев, но, в конце концов, они оказались в Биармии, пристав у какого-то *торжища*, где сразу начали торг. Впервые в саге упоминаются товары, которые закупали норвежцы, подчеркнем, – это *беличьи, бобровые и собольи меха*.

После того как торги закончились, норвежцы отправились вниз по реке *Вине* и вышли в море. Посоветовавшись, решили добыть еще больше сокровищ. Торир Собака откуда-то прекрасно знал местные обычаи, о привычке *биармов* зарывать часть сокровищ умерших в

курганы. Поэтому пригласил напарников вернуться и осмотреть такой курган, хотя это могло стоить жизни чужеземцам.

Финал этой истории известен, они ограбили священный некрополь биармов – забрали ожерелье местного божества Йомали и поспешно ретировались на свои судна. Подняв паруса, вышли в море и, как повествует сага, «*поплыли по Гандвику*» (Белому морю). Указывается, что «*ночи еще были светлые*», значит, в обратный путь они отправились не позднее середины августа. Шли они не останавливаясь «*дни и ночи*», пока не достигли каких-то островов. Вероятно, они дошли до *Семи Островов* на мурманском побережье Баренцева моря, хотя существуют и другие версии.

В саге указан еще один географический пункт, которого они достигли в своем походе – это *Гейрсвер*, расположенный на острове Магеро, недалеко от самой северной точки Европы – мыса Нордкап. После очередных «разборок» между героями саги, они, в конце концов, оказались в *Ленгьювике* (современный Люнген), расположенный напротив острова Сеньё.

Мы специально подробно остановились на описании морского похода героев «Саги о Олафе Святом», их долгом путешествии в Биармию и обратно. И сразу хотим сказать, что наверняка должны исчезнуть все сомнения по поводу местонахождения этой таинственной по сей день страны. В первую очередь, это касается тех исследователей, которые проповедует ее локализацию на побережье Балтийского моря. Надо быть просто необыкновенными упрямыми, чтобы отстаивать подобную точку зрения. Как видно из приведенных цитат, всегда, когда говорилось, что скандинавы уходили в поход в Биармию, сразу же прибавлялось выражение – «на север». Все сочинения давали указания, что Биармаланд находился в северном направлении. Древнескандинавские географы располагали ее также на севере материка. Так что представленные сведения не оставляют никаких сомнений в том, где, по свидетельству современников, находилась легендарная страна. Итак, во всех источниках Биармия неразрывно связана с *Севером* Восточной Европы.

* * *

Особый интерес в сагах вызывают сведения, связанные с упоминанием древнерусских городов. В скандинавских сочинениях названы всего двенадцать городов Руси из более четырехсот имевшихся в ту пору. Больше всего, конечно, привлекают внимание сообщения о возможности путешествий из *северной* Биармии в отдельные города Древней Руси, например в Суздаль или тот же Великий Новгород. Обратимся снова к содержанию саг.

В годы правления норвежского короля Харальда Прекрасноволосого с целью грабежа и наживы в 926 году совершил плавание в Биармию со своей дружиной викинг Хаук Серые Штаны. В саге говорится, что Харальд отправил Хаука «*на север в Биармаланд*» для сбора меховых товаров, при этом он просил передать золото и пропитание своей «*кормилице по имени Хейда, которая обитает в северной стране у Гандвика*». Узнав про их сборы, сын короля Эйрик (Кровавая Секира?) решил отправить вслед двух своих подручных Бьорна и Сальгарда «*на север, в Суздальскую землю и Биармаланд (til Surtisdala ok Bjarmalands)*», что посчиталось большинством исследователей явным вымыслом. Это фантастическое событие, как они полагали, не могло иметь места, т. к. если Биармия, как считалось, была на севере, то тогда Суздаль никак не мог находиться в той же стороне. Конечно, если читать саги буквально, то действительно Суздаль все же должен располагаться по отношению к Норвегии на востоке.

Если поменять местами указанные топонимы, то все станет на свои места. Вначале, естественно, скандинавы шли морем *на север*, обогнув Кольский полуостров, в Биармию. Затем оттуда, поднимаясь по Северной Двине, ее притокам, другим рекам и по волокам свободно могли добраться до Суздаля, Великого Новгорода и Полоцка (Pallteskia), о кото-

ром также упоминается в некоторых сагах. Для того чтобы совершать такие путешествия по внутренним водным путям, скандинавам необходимо было иметь какую-то постоянную базу-факторию в Биармии. На тяжелых морских судах невозможно пройти по рекам, и, главное, это вызвало бы большие затруднения (даже невозможность) при перетаскивании этих судов через волоки и речные мели. Поэтому скандинавы, вероятно, меняли морские суда на речные, оставив первые на зимовку в Биармии.

Из «Саги о Хаконе Хаконарсоне», рассказывающей о последнем походе скандинавов в Биармию в 1222 году и отличающейся, по мнению специалистов, вполне документальным характером, можно узнать, что скандинавы к тому времени обосновались в Биармии основательно, жили там постоянно и совершали оттуда походы в Суздаль (*Sudrdalariki*). Так герой саги Эгмунд отправляется из Биармии «осенью на восток в Судрдаларики со своими слугами и товаром». Но ни в одном из скандинавских произведений вы не найдете упоминания о Перми, Чердыни или Булгаре, с которыми большинство исследователей связывают Биармию.

Скандинавы в течение почти четырех веков осуществляли поездки в центральные районы Древней Руси, используя не только традиционный, хорошо известный путь *из варяг в греки*, но и через Белое море, раздобыв предварительно у местного населения Биармии, когда торговлей, а чаще грабежами, пушные товары и моржовую кость, чтобы обменять их в древнерусских городах на серебро, изделия из металла, ткани, разные необходимые товары. Вероятно, такие поездки из Белого моря носили очень редкий характер, и скорее были исключением, чем правилом.

Историки часто задают вопрос: почему же прекратились поездки скандинавов в далекую Биармию, какая причина заставила их прервать сообщения с удивительно богатым краем? И никто на этот вопрос не может дать однозначного ответа. На наш взгляд, произошло следующее.

Ученые-метеорологи, изучавшие изменение климата за предыдущие тысячелетия, выяснили очень любопытную деталь, — на земном шаре периодически происходило несколько ледниковых периодов, т. е. Земля в отдельные тысячелетия покрывалась льдом, достигавшим 40–50-градусных широт, а затем полностью освобождалась от него. А в промежутках между основными ледниковыми периодами происходили, так называемые, *малые ледниковые периоды*, сменяющиеся *климатическими оптимумами* (от лат. *optimum* — *наилучшее*), т. е. кратковременными потеплениями.

Малый климатический оптимум, по мнению большинства исследователей, закончился в Европе около 1300–1310 гг. В Гренландии и Арктике потепление началось раньше, чем в Европе, и закончилось, по-видимому, тоже раньше. При этом потепление в период малого климатического оптимума, считают они, было не повсеместным, хотя и охватило большую часть земного шара. В Европе максимум потепления был между 1200–1250 гг., а далее последовал очередной малый ледниковый период, длившийся до конца XIV столетия.

Существует немало свидетельств, позволяющих современным ученым заключить, что во времена климатического оптимума на Севере (1000–1200 гг.) среднегодовая температура превышала современную на 2–4 градуса. Поэтому область постоянных льдов лежала к северу от 80-й широты, а дрейфующий лед редко опускался южнее 70-й широты.

Именно в период климатического оптимума произошло заселение норманнами Исландии и Гренландии. Как известно из древнескандинавских сказаний, после изгнания из Норвегии за совершенное убийство в 871 году некий Ингольф Андерсон со своим побратимом Лейфом оказались в Исландии, а через три года уже с семьями обосновались там на постоянное жительство. Узнав о свободном проходе к Исландии, туда устремился поток норвежцев. В это же время, в 875 году, один из норвежцев, Гуньбьерн Ульфсон, сбился с курса, «проскочил» *Страну Льдов*, как называли раньше Исландию, и достиг Гренландии. Однако

подлинное открытие огромного полярного острова приписывают некоему Эйрику Торвальсону, известному по сагам под именем Эйрика Рыжего или Красного (955–1005). Кстати, по утверждению автора книги «Норманны» Г. Джонса, когда Эйрик Рыжий и другие колонисты организовали поселения в Гренландии, то обнаружили в тех местах следы прежних обитателей острова.

Вероятно, эти же благоприятные условия наступившего климатического оптимума позволили Оттару, другим скандинавским мореходам пробиться к берегам Белого моря и отыскать снова Биармию.

Но вскоре опять наступило похолодание. Множество существующих свидетельств, как литературных, исторических, археологических и метеорологических, позволили ученым сделать вывод, что после 1200 года климат в Северном полушарии ухудшился, по меньшей мере, на два столетия, Европа даже пережила около 1430 года малый ледниковый период.

Отчетливый переход к малому ледниковому периоду, считают ученые Е. П. Борисенков и В. М. Пасецкий, в течение которого температура понизилась в Европе в среднем на 1,3–1,4 градуса и более, отмечается между 1300 и 1500 годами. Полярные льды снова сковали побережье Гренландии и Исландии, что привело к гибели европейских поселений в Гренландии, оказавшихся отрезанными от материка.

Очередное похолодание сковало льдами всю северную Атлантику и Ледовитый океан. Полярные льды опустились до отметки 70-й широты и перекрыли проход судам норманнов вокруг Скандинавского полуострова. Они оказались на долгое время отрезанными от богатой мехами, моржовыми клыками и серебром далекой, остающейся таинственной для них Биармии.

Часть 2

Саксон Грамматик о Биармии

Первым из западноевропейских писателей, кто рассказал о Биармии, был известный сочинитель, датский хронист-летописец Саксон Грамматик (1140 – около 1208). Используя скандинавские и исландские саги, устные рассказы и предания, другие источники, он написал в 9 книгах историю Дании с древнейших времен до 1185 года под названием «Деяния данов» (*Gesta Danorum*).

Во времена мрачного Средневековья все древние познания античных ученых, тот же Птолемей и его карты с градусными сетками, и даже несколько не похожее на фантазию свидетельство норвежца Оттара о скандинавских странах и существовании Биармии в Западной Европе были забыты. Вместо тех, назовем так, относительно подлинных представлений о полярном Севере они подменялись сведениями о чудовищах, великанах, духах. В числе уже хорошо известных скандинавам земель, как Халогаланд (там жил Оттар), Финмарк (самая северная область Норвегии) и Биармия, средневековыми писателями названы какие-то фантастические – Йотунхейм, Имисланд, Альфгейм.

Саксон не был исключением. В упомянутом сочинении он рассказывает об удивительном плавании датского короля Гормса в мифическое царство мертвых, которое, как полагали в те времена, находилось на Крайнем Севере. Мифы и сказания передают, что скандинавы укладывали своих умерших родственников в лодки и отпускали на волю волн океана, только таким способом, считали они, покойные могут достичь той неведомой страны.

Еще в XIII столетии в Германии считали, что Британия именно та страна, и называлась она «островом мертвых». Долгое время существовало поверье, что у северных берегов Франции собираются все души умерших, а оттуда их перевозят в Британию.

У Саксона Биармия тоже представлена как таинственная фантастическая страна, связанная с царством мертвых различными волшебствами и чарами. Но прежде чем рассказать о ней, остановимся на событиях, освещенных в первой книге писателя, где Саксон Грамматик повествует о борьбе отпрыска короля Дании под именем Хаддинг с конунгами Норвегии и Швеции, их сыновьями и родичами. Вначале Хаддинг прославился тем, что, атаковав в Балтийском море около острова Готланд превосходящие силы противника, короля Норвегии Свипдага, потопил его флот. Затем Хаддинг победил его сына Асмунда, пытавшегося мстить за отца. Перед смертью тот сумел ранить датчанина в ногу, оставив на всю жизнь хромым.

Позднее внук Свипдага и сын Асмунда под именем Уффе сумел отомстить датчанину. Пока Хаддинг воевал со Швецией, Уффе перебросил свои войска в Данию, считая, что лучше напасть на дом своего врага, чем охранять свой. Таким образом, датчане вынуждены были вернуться на свою родину и защищать собственные жилища. После чего Уффе благополучно вернулся в Швецию, избавленную от врагов. Хаддинг не успокоился и на следующий год снова вернулся в Швецию, где почти пять лет вел кровопролитную войну. Но однажды случился жесточайший шторм и его флот был разбит бурей.

Далее повествуется о том, как Хаддинг отправился в Норвегию, где узнает о предстоящей женитьбе какого-то великана на Рагнильде – дочери местного конунга Хакона. Решив не допустить такого неравного брака, Хаддинг вызвал на бой великана и убил незадачливого жениха. Но в бою сам получил тяжелые раны. Рагнильда стала ухаживать за доблестным чужестранцем и, чтобы позже не забыть его, зашила в рану на ноге Хаддинга золотое кольцо. Впоследствии дочка Хакона, когда король предоставил ей свободу выбора жениха, при осмотре, точнее при ощупывании претендентов, благодаря этому кольцу узнала Хаддинга и вышла за него замуж.

После женитьбы он решил сходить на своем судне в Биармию. Когда Уффе узнал о том, что Хаддинг будет находится в Биармаланде, решил отомстить за смерть своего отца и деда. Шведский конунг пообещал свою дочь тому, кто убьет ненавистного Хаддинга. Вызвался некий Тунинг, находившийся в то время в Биармии, который стал подстрекать туземцев, славившихся своим чародейством, погубить датчанина.

Когда Хаддинг проходил мимо берегов Норвегии, то увидел удивительного старика, призывавшего его к себе. Несмотря на предупреждения спутников, что поездка на берег может оказаться губительной для него, смелый датчанин все же взял его на борт корабля. Старик научил датчанина, как правильно расставить войско (в виде клина) при нападении на биармийцев.

Когда началось сражение, биармы, решив схитрить, бросили оружие и попытались, обладая чарами и волшебством, напустить на небо тяжелые свинцовые тучи и проливные дожди, тогда в противовес им старик, вероятно, финн, также славившийся своим колдовством, выпустил полосу тумана и нагнал штормовой ветер, разогнавший тучи. Благодаря чему Хаддинг со товарищи одержал сокрушительную победу над биармийцами. Позже он убил короля Уффе и, подчинив Швецию, поставил во главе ее Хундинга – брата Уффе.

В третьей книге Саксона Грамматика приведены сведения, правда, косвенно связанные с Биармией. Кстати, наш великий историк Н. М. Карамзин, хотя и считал недостоверными сведения Саксона Грамматика, относил описанные события (ссылаясь на историческое сочинение Тормода Торфея) к концу I – началу II века н. э.

Детство будущего короля Швеции Хотера прошло под опекой конунга Гевара, т. к. его отец был убит в очередной войне с датчанами. Еще подростком Хотер многих превосходил силой и ловкостью, прекрасно плавал и стрелял из лука, был одаренный и умный юноша. Кроме того, Хотер отличался тем, что искуснее всех играл на арфе и лире. Он завораживал и очаровывал души людей своей прекрасной игрой на этих редких инструментах. Неудивительно, что вскоре в него влюбилась дочь Гевара по имени Нана и стала искать любого повода, чтобы упасть в объятия любимого.

Но тут в повествовании появляется некий герой Балдер, сын Одина. Однажды, увидев купающуюся Нану и пораженный ее удивительной красотой, Балдер воспылал к ней страстью. По этой причине он решил убить главного претендента на руку Наны – Хотера.

Чтобы предотвратить беду, король Гевар рассказал, как Хотер сможет победить своего сильного противника. А погубить его можно было, оказывается, только посредством волшебного меча и какой-то заколдованной то ли ленты, то ли подковы, которые хранились у лесного бога Миминга. Тот жил далеко на Крайнем Севере, за непроходимыми лесами и горами, путь к нему преграждался различными препятствиями, непреодолимыми для обыкновенного путешественника. Только на санях, запряженных северными оленями, была возможность преодолеть суровые замороженные горные хребты и попасть в страну Миминга. Выслушав наставления Гевара, Хотер собрался в путь и через какое-то время добрался до тех мест.

Установив свою палатку недалеко от пещеры, где обитал лесной бог, отважный швед стал поджидать его. Однажды ничего не подозревающий Миминг выполз из своей обители, Хотер напал и, угрожая копьем, сбил его на землю. Затем стал грозиться убить, если тот не отдаст Хотеру волшебный меч и ленту или подкову. Миминг, спасая свою жизнь, не замедлил отдать требуемое, а довольный Хотер вернулся домой, обогащенный волшебными трофеями.

В это время Хельги, конунг норвежского фюлька Халогаланда, обратился, чтобы кто-нибудь помог ему посвататься за Тору, королевскую дочь Кусо. Вероятно, здесь Саксон Грамматик рассказал о 14-м короле финнов по имени Кузо (Kuso). Шведский историк Иоганн фон-Страленберг, побывавший в русском плену, написал позднее несколько трудов, посвя-

ценных истории России. Так вот он, ссылаясь на забытую всеми «Шведскую библиотеку» (Schwedische Bibliothek), издания 1728 года, позаимствовал оттуда известие о том, что 14-й король Кузо в свое время напал на Биармию, опустошил всю страну и три года владел ею.

Вернемся к сочинению Саксона. В те далекие времена женихи имели обыкновение, предлагая руку и сердце, выражать любовь своим суженым красивым поэтическим языком, составляя особые хвалебные стихи, так называемые *висы*. Однако этот норвежский король «славился» редким косноязычием и поэтому направил своих послов к невесте, но Кусо с презрением отверг его, отвечая незадачливому жениху, что такой несмелый человек не заслуживает руки его дочери. Тогда Хельги обратился за помощью к Хотеру, славящемуся своим красноречием.

Собрав большой вооруженный флот, Хотер отправился в Норвегию, чтобы достичь цели любой ценой, если не красивыми словами, так, в конце концов, оружием. И когда он выступил на *тинг*е, Кусо быстро изменил свое мнение о норвежском женихе и спросил дочь, чувствует ли она симпатию к своему воздыхателю. И когда она согласилась, Кусо пообещал Хельги ее руку. Таким образом, Хотер своим красноречием сумел убедить упрямого короля финнов и биармийцев.

В пятой книге Саксон Грамматик снова представил сведения, связанные с Биармией. Однажды известный шведский витязь Арнгрим прибыл к не менее известному в те времена датскому королю Фротону просить руки его дочери. Но Фротон был глух к его просьбе, тогда Арнгрим обратился за помощью, как к посреднику, шведскому королю Эйрику. Тот посоветовал жениху, чтобы получить благосклонность датского короля, сходить войной в страны Крайнего Севера, не подчиненные пока датскому владычеству. Обладая большим военным опытом и, овеянный славой, Арнгрим незамедлительно отправился со своим войском бороться против Эгтера – короля Биармаланда и Тенгиля – короля Финмарка.

Крайние народы Севера – финны, пишет Саксон, считались самыми лучшими копьеносцами, никакой народ не мог так умело бросать копье. Они были очень хорошими охотниками, на одном месте никогда не жили, а кочевали с места на место, где есть добыча. *Скритфинны* (Skritfnni) отличались замечательным свойством, отметил Саксон, – умением кататься на изогнутых лыжах через покрытые толстым слоем снега горные хребты. Вот эти люди напали на войско Арнгрима, но боролись не очень удачно, несмотря на свое умение колдовать и чудодействовать.

Финны, рассеявшись по полю, бросили три камешка позади себя, чтобы предстать перед войском Арнгрима тремя огромными камнями, похожими на горы. Шведы были введены в заблуждение таким превращением и поначалу отступили. На следующий день, когда Арнгрим снова пошел в атаку, на этот раз финны своими чарами вызвали снежную лавину, похожую на огромную реку. Шведы в очередной раз были обмануты хитрыми финнами, большинство из них сильно испугалось рева мнимой стремящейся массы воды. На третий день, не найдя больше обманных средств, финны вынуждены были сдаться на милость завоевателей. Арнгрим установил сроки и наложил на них следующую величину дани: после подсчета всех финнов, необходимо по истечении каждых трех лет каждым десяти финнам платить по полной оленьей упряжке, груженной замшей (выделанные шкурки соболей, песцов и пр.).

Потом Арнгрим пошел войной на Биармию и, вызвав на бой один на один Эгтера – короля Биармаланда, убил его. После этого наложил такую же контрибуцию на местных жителей, обязав платить ему дань по одной шкурке с человека. С богатыми трофеями Арнгрим вернулся в Швецию и затем вместе с Эйриком отправился к датскому королю. Эйрик восхвалил перед Фроном подвиги жениха и рассказал о покорении Биармии и Финмарка.

Тогда тот посчитал, что теперь шведский витязь заслужил право получить руку дочери датского короля.

В очередной раз о Биармии упоминается в шестой книге Саксона. События происходят во времена Фротона IV и относятся, по мнению Тормода Торфея, к IV веку. В ней рассказывается о некоем Старкарде, человеке без родины, появившемся на свет, по словам Саксона, где-то на востоке от Швеции. Древняя традиция говорит, что этот Старкард предлагал принести в жертву богам короля Норвегии Викара. На это его, мол, подстрекал главный скандинавский бог Один. Обманом Старкард завоевал доверие норвежского короля, а затем предал его и самолично удавил петлей, якобы принеся в жертву по требованию богов.

Совершив такой предательский поступок, Старкард забрал судно Викара и уплыл на нем к одному пирату из Дании, такому же авантюристу, по имени Вемон. Впоследствии они оба стали известны своими пиратскими набегами на приморские страны. Саксон сообщает, что «после свержения далеких и широких областей» они вторглись на Русь (Rusciam). Пираты применили против местных аборигенов какую-то военную хитрость, используя доски с наколоченными гвоздями и располагая их на земле по линии нападения противника. Датчане загнали русичей на эти доски с гвоздями, сами предварительно одев башмаки с толстой деревянной подошвой, благодаря чему сумели одержать над ними победу. При этом предводителя русичей Флоки со своим войском отрезали от убежищ в горах и загнали в непроходимые чащи. После победы пираты собрали столько трофеев, что не могли все увезти на своих судах, а отбирали только серебро и золото.

После смерти напарника Вемона, пишет Саксон, «за свою доблесть» Старкард был призван витязями Биармии и там совершил много «примечательных дел среди них». Какие это были «примечательные дела», Саксон умалчивает. Позднее Старкард из Биармии перешел в Швецию, где жил семь лет с сыновьями Фреи. Однако, если быть последовательными, позднее, уже в восьмой книге, Грамматик снова возвращается к этому герою, приводя хвастливый спор некоего Хатера и Старкарда, где последний хвалился тем, сколько людей он поубивал. При этом среди убитых он указал на тех самых витязей Биармии, которые приглашали его когда-то к себе. Вероятно, и здесь проявилась предательская пиратская натура Старкарда.

Следующий рассказ о Биармии связан непосредственно с таинственным островом Туле. Сын датского короля Харальда Горм отличался среди военачальников того времени тем, что он искал славы не в боях и войнах, а в раскрытии тайн природы, в поисках мало известных, неведомых земель. В этой характеристике датского короля, данной Саксоном, можно найти некоторые черты упомянутого выше английского короля Альфреда Великого, записавшего рассказ Оттара, которого в первую очередь интересовали не боевые успехи, а научные открытия.

И вот когда поступило сообщение от людей, прибывших с острова Туле, о проживании в тех краях некоего Гейрода, он сразу же принял их, чтобы послушать необычные, граничащие с фантастикой, рассказы. Эти посланцы с загадочного острова рассказывали об огромных сокровищах той страны, но сразу предупредили, что путь туда сопряжен с опасностями, которые едва ли сможет перенести простой смертный человек. Тем, кто захочет совершить такое плавание, они объясняли, что надо проплыть по океану, который огибает все страны, оставить солнце и звезды позади и попасть «вниз в хаос», а затем, наконец, «пройти сквозь землю, где не пробивается свет и где темнота правит вечный бал».

Король, надеясь найти себе славу, обратился к народу, и тогда три сотни людей согласились идти с ним на поиски неведомой земли. Во главе путешественников Горм поставил человека, по имени Торкил, который знал остров и путь к той стране. Зная трудности предстоящего похода, по его поручению построили специальные суда, отличающиеся своей кре-

постью и полностью груженные для длительного перехода. Путешественники разбились на три партии по сто человек в каждой и вышли в открытое море.

Когда прибыли в самую северную область Норвегии Халоголанд (кстати, вспомним, родину Оттера), то некоторые суда из-за штормов отстали и оказались как бы брошенными на произвол волн и ветров в этом рискованном рейсе. Кроме того, путешественники попали в чрезвычайное положение по причине отсутствия продуктов питания, испытывая недостаток даже в хлебе. Им приходилось утолять голод только похлебкой из муки. Несмотря на все трудности, они шли еще несколько дней, пока вдалеке не услышали грохот прибоя о скалистый берег, напоминающий раскаты грома. Мореходы воспрянули духом и послали на мачты молодых и ловких выглядывать землю. Вскоре впередсмотрящие сообщили, что на горизонте показалась суша с крутыми берегами.

Путешественники пришли в восторг от долгожданного известия и стали пристально всматриваться, нетерпеливо ожидая гостеприимного убежища на обещанном берегу. Достигнув острова, они столкнулись с очередной трудностью – берега были скалистые и очень крутые, которые осложняли путь наверх ослабевшим морякам. Торкил посоветовал забить только несколько животных из пасущегося на берегу стада коров и быков, чтобы утолить голод путешественников. Однако оголодавшие люди набросились на скот и принялись вырезать всех подряд, рассчитывая заодно наполнить трюмы всех судов. Местный рогатый скот не представляло большого труда захватить, т. к. он абсолютно не боялся пришельцев.

На следующую ночь сильно зашумел лес и суда, стоявшие около берега, были окружены страшными чудовищами. Один из них, самый огромный, шагнул прямо по воде к судам и размахивал огромной дубиной. Стоя близко от путешественников, он проревел громовым голосом, что они никуда не поплывут, пока не искупят свою вину за гибель скота, принадлежащего богам. В возмещение ущерба от чужестранцев потребовали по одному человеку с судна. Торкил, чтобы сохранить экспедицию, согласился с этими условиями и вынужден был отдать по одному человеку от каждой сотни людей, т. е. троих несчастных.

После этого они смогли тронуться в путь, и скоро ли, коротко ли мореходы приплыли к «дальней» Биармии (*in ulteriorem Biarmiam*), точнее – в царство мертвых, которое лежало по ту сторону Биармаланда.

Саксон Грамматик одним из первых средневековых писателей дал изображение «крайней» Биармии, используя при описании таинственной страны характерные для той эпохи элементы романтичности и загадочности. Приводим тексты переводов этого фрагмента произведения Саксона, сделанные исследователями прошлого столетия Р. Хеннигом и Г. М. Глазыриной:

«[От берегов Биармии на Белом море] поплыли они, дождавшись попутного ветра, в дальние области Биармии. Климат там суровый, земля скрыта под толстым слоем снега и лишена тепла летнего солнца. Страна покрыта непроходимыми лесами, бесплодна и изобилует невиданными зверями. Там множество рек, русла которых так усеяны скалами, что течение их напоминает сплошной бурлящий водопад» (*Saxo Grammaticus. Gesta Danorum. L. 8. XIV*). *Неведомые земли* (перевод Р. Хеннига).

«Это страна вечного холода, покрытая глубокими снегами, так как солнце не прогревает [землю] летом. Изобилующая непроходимыми лесами, она не может давать урожай и населена животными, необычными для других мест. Там много рек, течения которых превращаются в потоки бурлящих водопадов из-за скал, находящихся на их пути» (*Saxo Grammaticus. Gesta Danorum. L. 8. XIV*). *Исландские викингские саги о Северной Руси* (перевод Г. М. Глазыриной).

Здесь Торкил с товарищами вытащили суда на берег, где объявил, что они прибыли наконец на место, откуда был самый короткий путь к Гейроду, и теперь можно расставлять палатки для отдыха. Торкил также предупредил спутников, чтобы они молчали, т. к., не зная

местного языка и условий жизни, они легко могут промолвить неприветливое слово и обидеть аборигенов.

Когда опустились сумерки, неожиданно появился человек огромного роста и громко приветствовал их. Все были ошеломлены, но Торкил сохраняя хладнокровие, заставил соратников также поприветствовать великана, объясняя им, что это пришел Гудмунд, брат Гейрода, которого они ищут. Благосклонно расположенный к чужестранцам, Гудмунд пригласил их быть его гостями. Когда они достигли жилья своего гида, Торкил тихонько предупредил всех, чтобы они вели себя подобающе и сторонились всяких искушений, особенно не употребляли местные кушанья, в первую очередь мясо, т. к. была реальная опасность превратиться и стать подобным ужасным монстрам, обитающих в этих краях.

Вокруг стола стояли «двенадцать благородных сыновей» Гудмунда и несколько дочерей, отличавшихся своей дивной красотой. Великан сразу заметил, как осторожны гости в употреблении приготовленных блюд и пожаловался Торкилу. Однако тот объяснил, что его спутники накануне крепко поели, и на это не стоит обращать внимания. Увидев, что гости проявили умеренность и тем самым расстроили его предательские приготовления, Гудмунд, проверяя самообладание чужестранцев, решил испытать их целомудрие. Он сразу предложил королю отдать замуж самую красивую его дочь, пообещав также остальным женщинам, каких те пожелают. Большинство сразу согласилось на предложение хитрого Гудмунда, однако Торкил тут же остудил пыл своих соратников и мудро отказался от такого заманчивого предложения. Но, тем не менее, все же четыре датчанина приняли предложение хозяина и навсегда там остались.

Гудмунд упрямо шел к своей цели – привести в искушение короля и его подручных – и стал соблазнять их дарами своего сада. Но осторожный Торкил был начеку и вежливо отклонил просьбу «гостеприимного» хозяина.

Наконец они тронулись в путь и вскоре достигли большого мрачного города, окруженного высокими зубчатыми стенами, главные ворота которого охраняли огромные свирепые псы. Торкил бросил им хлеба, смазанного жиром, и они тут же успокоились. Пройдя высокие ворота, путники поднялись по крутым лестницам, и попали в город. Вокруг бродили страшные уродливые люди, везде была грязь, а посреди города находилось сильно пахнущее болото, с раздражающим ноздри ужасным зловонием. Это был город мертвых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.